

1. ок. 94

Памяти Евгения Леонова

Веч. Москва. - 1994. - 1 февр.

Како-то заметил, что все мы являемся в этот мир одинаково — младенцами. А вот уходим по-разному. И чем больше успеваем, тем болезненнее общество переживает потерю. Хотя, конечно, близким все равно всегда одинаково тяжело.

В силу своей профессии актеры обретают не просто популярность. Они становятся частью нашей жизни. Отсюда и всенародная любовь, если, конечно, ты ее заслужил. Ведь у слушателей Мельпомены в отличие от писателей, художников, композиторов век короток. Это рукописи не горят, а актеры, к сожалению, сгорают. Чем ярче они светят, тем, увы, скорее это происходит. Вот не стало еще одного...

По сравнению с некоторыми своими коллегами Евгений Леонов прожил большую жизнь: уж слишком немилостива смерть к актерам, особенно к талантливым. Так и норовит вырвать самых лучших! Но вообще-то разве это век — шестьдесят семь лет?! Тем

Таланты сгорают первыми

более когда осталось столько неосуществленных замыслов.

А я вспоминаю начало 50-х годов, его первые спектакли в Театре имени К. С. Станиславского. Роль Лариосика в «Днях Турбиных» он получил из рук первого исполнителя Михаила Михайловича Яншина. Его признали сразу и зрители, и критики, и сама Елена Сергеевна Булгакова. Затем он встретился в работе с Борисом Львовым-Анохиным, и в результате родился его Креон в «Антигоне».

А параллельно началась и кинематографическая «Одиссея», где он познакомился с прекрасными партнерами и режиссерами. Правда, он как-то умудрялся счастливо сочетать съемки в кино с работой в театре. В Театре имени Вл. Маяковского у Андрея Гон-

чарова он замечательно сыграл старика Ванюшина. А последние два десятилетия служил в театре «Ленком», где Марк Захаров специально для него ставил разные спектакли — от «Иванова» до «Поминальной молитвы», что стала «лебединой песней» актера.

О Леонове написано много статей. Есть прекрасная книга Нинель Исмаиловой и его собственная — «Письма сыну». На пленке остались фильмы и некоторые спектакли. Но нет и никогда уже не будет самого Леонова...

Среди множества его созданий в последнее время я почему-то все чаще вспоминаю леоновского Вожака из «Оптимистической трагедии». Особенно тот пророчески придуманный режиссером эпизод, когда анархисты

и большевики шли друг против друга на смертный бой, запевая в унисон одну и ту же революционную песню. Вожак в том спектакле был какой-то домашний, в комнатных шлепанцах. Меньше всего он напоминал «морского волка», скорее пахана из притона. И тем оказывался еще страшнее.

Леонов не очень ценил эту роль, да и спектакль в целом, по-моему, не получил должного признания. Ну что ж, так тоже бывает. Может быть, теперь, когда нет уже ни «Оптимистической трагедии», ни Леонова, мы вспомним и об этой работе, а заодно поклонимся светлой памяти удивительно доброго, скромного, хорошего человека, завидного семьянина и, конечно же, выдающегося актера.

Борис ПОЮРОВСКИЙ.

Леонов Э.